

ДОМ, КОТОРЫЙ ДЫШИТ

СТЕНЫ ПОМНЯТ ВСЕХ, КТО В НИХ ОСТАЛСЯ

Джон Гришем

18+

Джон Гришем

Дом Который Дышит

«Автор»

2026

Гришем Д.

Дом Который Дышит / Д. Гришем — «Автор», 2026

Сара переехала в тихий тупик ради новой жизни. Но стены здесь тёплые, как чужая кожа. Пол гудит на частоте, которую чувствуешь не ушами — зубами. А семилетняя Лили каждую ночь прижимается лбом к стене и шепчет. Голосом самой Сары. Под линолеумом — люк, который нельзя открывать. Соседи исчезают, и никто не задаёт вопросов. Дом голоден. И он уже выбрал, кого съест следующим.

© Гришем Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. КОВРИК	5
ГЛАВА 2. КОГДА ДОМ ДЕЛАЕТ ВДОХ	8
ГЛАВА 3. ЖЕСТЯНКА	14
ГЛАВА 4. ПЕРЁВЁРНУТЫЙ ГОЛОС	18
ГЛАВА 5. ТРИ НОЧИ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джон Гришем

Дом Который Дышит

ГЛАВА 1. КОВРИК

Двигатель остывает сухим металлическим тиканьем. Звук тонет в ровном стрекоте газонкосилки за три дома отсюда. Август распластан по тупику плоской, тяжелой ладонью света. Семь идеальных зеленых прямоугольников. Семь почтовых ящиков цвета «утренний туман» — ироничное название для места, где тумана не бывает; здесь только свет, стерильный и теплый, как плафон над зубоврачебным креслом.

Сара вынимает из багажника коробки. Картон отсырел под пальцами, углы промялись. Три штуки. Она ставит их на плавящийся асфальт одну за другой. Пальцы становятся серыми от пыли. Она трется ладонями о бедра, размазывая грязь до самых коленей.

Лили сидит сзади, прижав к груди рюкзак. Блестки ловят случайные фотоны, вспыхивают жестяными искрами. Сара открывает заднюю дверь. Стоит молча. Рука лежит на горячем металле стойки.

Лили смотрит сквозь лобовое стекло — не на мать, не на выгоревший фасад нового дома, а просто вперед, в пульсирующее марево асфальта. Она выходит. Босая. Подошвы оставляют на дорожке черные полумесяцы. Сара переводит взгляд с этих подошв на свои руки.

Дверца закрывается с тихим, идеально пригнанным щелчком чужого мира. Крыльцо скрипит тремя ступенями.

Дерево горячее, почти обжигающее. Сайдинг этого дома выгорел до оттенка старой кости, ставни шелушатся лоскутами прошлогодней кожи. Дом старше соседей лет на сорок, это считается мгновенно, бьет в глаза неуместностью. Сара поднимается и смотрит себе под ноги.

Коврик у входа мёртв. Буквы слизаны тысячами шагов. От WELCOME осталось издевательское W_LCOM_.

Сара наклоняется. Носок туфли цепляет загнутый край одним коротким, точным движением. Дерёт на себя. Комкает ворсистую тряпку в кулаке и швыряет в чёрный мусорный мешок. Мешок глухо ударяется о бетон гаража. Сара снова вытирает руки о джинсы. На дом она не оглядывается. Пустое крыльцо. Голый бетон. Она перешагивает порог.

Кухня встречает её белой слепотой. Линолеум цвета авокадо пошёл волной от старости. У порога змеится трещина в плитке — тёмная жила, которая была здесь всегда и останется навсегда. Сара роняет коробку на стол. Ножка короче остальных, столешница кренится, сахарница внутри наверняка поползёт вправо, но Сара даже не думает подкладывать сложенную бумажку.

Идёт к холодильнику. Белый ящик. Жёлтые резинки уплотнителя. Эмаль пожелтела там, где десятилетиями касались пальцы. Ручка провисает на одном верхнем винте. Внутри — гулкая пустота. Стекланные полки. Одна рассечена посередине тонким волосом разлома. Сара достаёт из напольной коробки пакет молока. Ставит на среднюю полку. Этикеткой строго к задней стенке. Жест безупречный, мышечный, унаследованный. Так делала бабушка с прабабушкой. Дверца захлопывается.

Сара кладёт ладонь на холодное пятно эмали ровно на три секунды. Убирает руку. Между коробкой с засохшими фломастерами и раскрасками стоит жестянка из-под датского печенья. Сорок лет назад, Рождество. Сахар внутри давно окаменел вместе с глазурью. Сара знает об этом. Рука замирает в дюйме от крышки. Опускается. Кофеварка давится паром. Тостер выплёвывает два ломтика с идеальным бронзовым загаром. За окном Грегг ведёт свою газо-

нокосилку вдоль забора. Влево-вправо качается его разбрызгиватель. Вода дробит солнце на тысячи мокрых алмазов, трава темнеет, напитываясь влагой. Грегг косит. Он не машет. Сара не ждёт. Это август. Это пригород. Это правила игры. Она ставит коробку с надписью «Кухня / прочее» на столешницу. Разрезает скотч ключом. Внутри — тарелки, завёрнутые в газету, три кружки без сколов, деревянная лопатка для блинов и маленькая рамка. Пять на семь. Фотография Марка. Он смотрит чуть левее объектива, как всегда, будто видит кого-то за плечом фотографа. Уголки глаз — мелкие морщинки от солнца. Сара ставит рамку на полку, между банкой с мукой и солонкой. Смотрит секунду. Отворачивается. Берёт следующую тарелку из коробки. Газета шуршит.

— Мам.

Голос Лили снизу пробивается сквозь стрекот косилки. Сара не оборачивается.

— Мам, а почему тут пахнет подвалом?

Сара разворачивает тарелку. Протирает полотенцем. Ставит в сушилку. Берёт следующую.

— Мам?

— Иди рисуй, солнышко.

Лили молчит. Потом шарканье босых ног по бетону. Тишина. Сара ставит ещё одну тарелку. Руки двигаются ровно. Подвал. Никакого подвала здесь нет. Есть фундамент, есть люк в коридоре под стыком линолеума, но подвала нет. Сара знает это. Сара всегда это знала.

Лили внизу. Мелки шуршат в кармане куртки. Она садится прямо на подъездную дорожку, пачкая белые шорты. Вытаскивает жёлтый. Рисует круг. Лучи короткие, кривые. Один выбивается из строя, уходит далеко вбок, длиннее остальных. Хищный. Лили склоняется над рисунком, подбородок почти касается асфальта. Не смотрит на окна кухни. Бетон принимает цвет. Жёлтая крошка забивается под ноготь. Она тянется за розовым. Розовый луч пронзает жёлтое солнце. Без улыбки. Без ровных лучей-спиц. Просто звезда с одним клыком. Сара бросает хлеб в тостер. Масло шипит на сковороде, пахнет горелым белком и сладкой пылью ванили из картонной коробки. Она переворачивает тост лопаткой. Снимает в тот момент, когда края начинают чернеть. Тарелка. Стол. Щелчок.

— Мам, у Грегга разбрызгиватель сломался. Хотя нет. Он просто... другой.

Шипение масла поглощает ответ. Сара не слышит. Или делает вид, что стены этого дома звуконепроницаемы. Лили рисует своё неправильное солнце.

Вечер стекает синим дегтем по стёклам. Сара моет посуду — две минуты, горячая вода, губка. За окном пахнет бензиновой гарью и свежим срезом. Этот запах вошёл в кухню раньше хозяйки и решил остаться. Сара оставляет створку открытой. Моет последнюю тарелку. Вытирает руки вафельным полотенцем. Кожа пахнет лимоном и чем-то ещё — тёплым, дрожжевым, съеденным много часов назад. Сара прижимается к своим пальцам. Источник теряется. Наверху спит Лили.

Из-под двери детской тянет запахом топлёного молока и чистой шерсти — так пахнет ямка между плечом и шеей спящего ребёнка. На полу валяется кролик Кевин. Мордой вниз, лапы разбросаны, будто зверёк умер от разрыва сердца посреди прыжка.

Одеяло сбилось комом в ногах. Сара стоит на пороге. Ей ничего не стоит сделать шаг, поправить ткань, поднять игрушку. Она не двигается. Просто слушает дыхание дочери. Ровное. Вдох. Выдох. Закрывает дверь, оставляя щель шириной в палец. Лили ненавидит закрытые двери. Говорит, что ей так снится удушье. Коридорный линолеум ледяной. Сара идёт к лестнице. Раз. Обходит стык плиток. Два. Переступает невидимую границу. Три. Ноги сами

находят траекторию. Обходит. Ещё раз. Не наступая. Не спрашивая себя зачем. Кухня. Холодильник. Сара открывает дверцу. Пакет молока. Этикетка упирается в стенку. Всё правильно. Она стоит, глядя на белый параллелепипед. Закрывает дверцу. Снова прижимает ладонь.

Считает про себя. Раз. Два. Три. Убирает руку.

На белом квадрате эмали остаются пять мелких отпечатков. Чужих. Не её. Не Лили. Пять пальцев, вдавленных в краску изнутри, будто кто-то прижался ладонью с той стороны дверцы, пока Сара спала. Или пока Сара не смотрела. Сара закрывает холодильник. Не оборачивается.

ГЛАВА 2. КОГДА ДОМ ДЕЛАЕТ ВДОХ

Вода в новом доме была другой. Не вкусом — Сара не пила из-под крана — а характером. Напор чуть слабее, чем в прежней квартире в Колумбусе. Температура набиралась дольше: сначала ледяная, потом тёплая, с привкусом старых медных труб. Она мыла тарелки у окна и смотрела, как за стеклом гаснет август.

Лили наверху плескалась в ванне. Слышно было, как вода бьётся о кафель, резиновая уточка стучается о борт, дочь напевает что-то бессвязное — мелодию, которую придумала по дороге из Колумбуса. Сара слушала эти звуки и чувствовала, как внутри медленно распускается узел, затянутый с самого утра. Переезд закончен. Коробки расставлены. Кровати заправлены. Завтра — первый день в школе Элеоноры Рузвельт, первый жёлтый автобус округа Франклин, первая настоящая жизнь в Сидар-Холлоу.

Она поставила тарелку в сушилку. Протёрла столешницу. Сполоснула раковину, чтобы мыльная пена не оставляла разводов на нержавеющей. Привычка из прошлой жизни. Марк терпеть не мог засохших мыльных потёков — говорил, что кухня должна выглядеть так, будто в ней никто не живёт. Сара замерла на полсекунды, глядя на собственное отражение в тёмном окне. Вытерла руки. Повесила полотенце на крючок.

Кондиционер гудел ровно, без перебоев. Старый центральный блок, установленный ещё при Рейгане, дышал через вентиляционные решётки под потолком, наполняя дом прохладным, чуть сладковатым воздухом. Сара привыкла к этому звуку за три дня — он стал фоном, как тиканье настенных часов или далёкий гул interstate. Его замечаешь, только когда он есть.

Наверху вода замолчала. Сара слышала, как Лили шлёпает босыми ногами по мокрому кафелю, как шуршит пижамная фланель.

— Мам. Полотенце.

Сара вытерла руки и поднялась по лестнице. Старые ступени отзывались по-разному: первая скрипела глухо, третья — высоко и тонко, как ненастроенная гитара. Пятая молчала, но чуть пружинила под ногой. Сара запоминала эти звуки так, как запоминают повадки нового животного в доме. Здание было на сорок лет старше соседних, и у него были свои привычки, свои капризы, свой характер.

В ванной Лили стояла посреди кафельного пола, обёрнутая в большое белое полотенце, с мокрыми косичками, прилипшими к ключицам. На полу — лужица. Рюкзак с блёстками валялся у порога, забытый ещё с утра.

— Вытирайся быстрее, солнышко. Завтра рано вставать.

Лили вытерлась с детской небрежностью — пять быстрых движений, и готово. Сара помогла ей надеть пижаму. Фланель мягкая, с выцветшими единорогами, купленная ещё в прошлом году на распродаже, но всё ещё единственная, в которой дочь соглашалась спать.

В детской Лили забралась под одеяло. Комната, днём казавшаяся светлой и пустой, теперь, в свете ночника, приобрела глубину. Тени в углах стали гуще. Трещина на потолке тянулась от люстры к карнизу — тонкая, как человеческий волос. На тумбочке лежал рисунок — солнце мелкими, которое Лили нарисовала утром прямо на подъездной дорожке. Один луч длиннее остальных, хищный. Сара поправила одеяло. Подоткнула края, как делала всегда.

— Мам.

— Что, кнопка.

— А стены тут гудят.

Сара замерла. Прислушалась. Кондиционер дышал ровно, через решётку над дверью. Где-то далеко, за пределами дома, стрекотали цикады — сухой, механический звук августовской ночи в Огайо.

— Это кондиционер, Лил. Воздух идёт через вентиляцию.

— Нет. Не он. — Лили смотрела в потолок серьёзными, сонными глазами. — Стены. Они как будто дышат.

Сара улыбнулась. Той самой улыбкой, которую надевают взрослые, когда ребёнок рассказывает про монстра в шкафу.

— Это старый дом, солнышко. Он оседает. Дерево ссыхается за день, ночью остывает, балки чуть двигаются. Это нормально.

— А в квартире в Колумбусе не двигались.

— Там были бетонные стены. Тут дерево. Оно, в каком-то смысле, живое.

Лили подумала об этом. Кивнула, принимая объяснение с той детской серьёзностью, с которой принимают законы физики.

— А Кевин говорит, что тут пахнет хлебом.

— У кроликов нет носа, — сказала Сара.

— У Кевина есть.

Сара наклонилась и поцеловала дочь в лоб. Кожа пахла шампунем и чистой водой. Нормальный запах. Живой.

— Спи, солнышко. Завтра первый день. Автобус в семь сорок.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. Щель шириной в ладонь — Лили ненавидела закрытые двери. Говорила, что за закрытой дверью воздух кончается, и ей снится, что она не может вдохнуть. Сара не спорила. У каждого ребёнка свои страхи, и этот был из безобидных. Лучше щель и сквозняк, чем часы уговоров и слёз перед сном.

Внизу Сара выключила свет в гостиной. Проверила замок на входной двери — медный ригель скользнул в паз с тяжёлым, надёжным щелчком. Новый дом, новые замки, новые привычки. Она обошла кухню, вытирая невидимые крошки со столешницы. Поставила последнюю чашку в сушилку. Выключила свет над раковиной. Дом выдохнул. Остался только кондиционер — ровный, утробный гул, проходящий через стены, через пол, через кости.

Сара села за кухонный стол. Налила себе воды из-под крана — той самой, с привкусом меди. Сделала глоток. Посмотрела в окно. Уличный фонарь залил Вентворт-стрит натриевым светом, от которого всё казалось слегка больным. Семь газонов. Семь почтовых ящиков цвета утреннего тумана. Тишина пригорода, которую можно резать ножом.

Она достала телефон. Пролистала сообщения. Подруга Джен из Колумбуса написала: «Как вы там. Обживайтесь. Звони, если что». Сара набрала ответ: «Всё хорошо. Дом старый, но крепкий. Лили в восторге от двора». Отправила. Положила телефон экраном вниз.

Кондиционер гудел. А потом перестал. Не затих. Не сбавил обороты, как это бывает, когда термостат достигает заданной температуры и компрессор мягко уходит в режим ожидания. Просто оборвался. На середине выдоха. Как если бы кто-то перерезал провод.

Сара подняла голову. Тишина. Нет. Не тишина. Она сидела, не двигаясь, и пыталась понять, что именно не так. Звук исчез — это было очевидно. Но вместе с ним исчезло что-то ещё. Что-то, чего она не замечала, пока оно было. Фон. В любом доме, даже в самом тихом, есть фон. Холодильник гудит компрессором. Трубы изредка вздыхают, когда металл остывает после дневного жара. Половицы потрескивают. За окном — цикады, дальний шум трассы, шелест листьев. Ветер касается сайдинга. Где-то в соседнем доме лает собака, и этот лай проходит через три забора, теряя по дороге все согласные. Этот фон не слышишь сознательно, но тело его знает. Тело считает его признаком жизни. Признаком того, что мир работает, что механика вселенной продолжает крутиться.

Сейчас фона не было. Сара прислушалась. Напрягла слух до предела, до звона в ушах. Ничего. Не просто тихо — пусто. Как если бы из звуковой дорожки реальности вырезали всё, оставив одну абсолютную, мёртвую прямую. Цикады замолчали. Трасса — а до I-80 отсюда меньше мили — не шумела. Холодильник. Сара обернулась. Холодильник стоял. Компрессор не гудел. Индикатор на панели горел ровным зелёным светом, но мотор молчал. Она встала.

Прижала ладонь к дверце. Холод чувствовался — продукты внутри не нагрелись, — но компрессор не вибрировал. Как будто прибор работал беззвучно, на какой-то другой технологии, которой не существует в природе. Нет. Он просто не работал. Но индикатор горел.

Сара отступила. Посмотрела на термостат в коридоре. Маленький цифровой дисплей показывал семьдесят два градуса. Система должна была включиться. Но не включалась. Экран светился ровным голубым светом, обещая температуру, которую никто не достигнет.

Она подошла к окну. Прижалась лбом к стеклу. Улица снаружи казалась нарисованной: неподвижные деревья, застывшие машины, газоны, на которых не колыхалась ни одна травинка. Фонарь горел, но не гудел. Лампа излучала свет без звука, как свеча. Монтажная склейка. Вот что это было. Как в кино, когда звукорежиссёр вырезает все фоновые шумы, оставляя только один — дыхание героя в шкафу или тиканье часового механизма. Мир за окном продолжал существовать, но звук из него был удалён хирургически, без следов разреза. Не убавлен — ампутирован.

Сара отошла от окна. Села обратно за стол. Допила воду. Вода была холодной и по-прежнему пахла медью. Это было реально. Это она чувствовала. Вкус. Температура. Вес стакана в руке. Дом молчал. Не скрипел. Не дышал. Не оседал. Старое здание, которому восемьдесят лет, не издавало ни единого звука. Балки не трещали от ночной прохлады. Стекло в рамах не звенело от микро-вибраций. Воздух стоял неподвижно, как вода в запруде.

И в этой мёртвой тишине — Сара слышала шаги. Наверху. Мелкие. Босые. По линолеуму коридора.

Она не помнила, как встала. Тело поднялось само, раньше, чем мозг сформулировал команду. Стул отъехал назад с беззвучным усилием — даже трение ножек о пол было приглушено, как через вату. Лестница. Ступени молчали. Та самая третья, которая днём скрипела высоким гитарным звуком, сейчас не издала ничего. Ни стоны, ни вздоха. Дом задержал дыхание — или забрал его у всего, что было внутри.

Коридор второго этажа. Тёмный, без единого луча из окон. Сара шла по памяти, касаясь стены кончиками пальцев. Обои под рукой были прохладными. Сухими. Нормальными. Обычный винил на флизелиновой основе, который она сама выбирала в строительном магазине три месяца назад.

Дверь в детскую. Щель, которую она оставила — шириной в ладонь, — зияла чернотой. Ночник внутри горел. Слабый оранжевый свет пробивался через зазор, ложась на стену коридора узкой полосой, похожей на след от лазерного уровня.

Сара заглянула внутрь.

Кровать была пуста. Одеяло сброшено на пол. Простыня скомкана в ногах. Подушка вдавлена, как если бы с неё только что поднялась голова. Плюшевый кролик Кевин лежал посреди комнаты, мордой вниз, лапы раскинуты — будто упал с высоты и не успел сгруппироваться.

Сердце Сары совершило скачок, который ломает рёбра изнутри. Кровь ударила в виски, наполнила уши пульсирующим гулом. Она вцепилась в дверной косяк, чувствуя, как дерево проминается под пальцами.

Лили стояла у дальней стены. Той самой, за которой — Сара знала из документов на дом — раньше была кладовая, а теперь просто глухой простенок, отделяющий детскую от прачечной. Обычный гипсокартон. Два слоя, шпатлёвка, бежевая краска, которую Сара так и не перекрасила.

Лоб ребёнка был прижат к стене. Плотно, до белизны кожи по контуру давления. Руки висели вдоль тела, пальцы расслаблены, как у человека, стоящего в очереди. Ноги босые, пятки чуть приподняты, словно тело приняло эту позу само, без участия воли.

И губы её двигались. Беззвучно. Ровно. Механически. Открывались и закрывались с одинаковым интервалом, как у человека, который повторяет слова про себя, но забыл выключить

артикуляцию. Сара видела, как шевелится нижняя челюсть, как напрягаются и расслабляются мышцы щёк. Но звука не было. Ни шёпота. Ни дыхания. Ничего.

Сара шагнула в комнату. Пол под босыми ногами был холодным. Не прохладным — холодным, как бетон в неотапливаемом гараже. Холод пробирался через подошвы, вверх по икрам, в колени. Три шага до дочери.

— Лили.

Голос прозвучал неестественно громко в этой вате. Как разговор посреди похорон.

Лили не отреагировала. Губы продолжали двигаться. Лоб — прижат к гипсокартону. Глаза, насколько Сара могла видеть сбоку, были закрыты. Веки не дрожали — обычное спокойное лицо спящего человека.

Сара положила руку дочери на плечо. Пижамная фланель была тёплой. Плечо под ней — живым, горячим, с обычной детской температурой. Кожа, пульс, тонкие кости. Всё настоящее. Всё на месте.

— Лили, солнышко. Проснись.

Она осторожно повернула дочь к себе. Лили поддалась мягко, податливо. Лицо — спокойное. Без гримасы кошмара, без следов слёз, без напряжения в челюсти, которое бывает у детей, когда снится что-то плохое. Рот закрыт. Глаза закрыты. Спит.

Сара прижала ладонь ко лбу. Нормальная температура. Ни жара, ни озноба. Просто тёплая кожа спящего ребёнка. Девяносто восемь и шесть. Она знала эту температуру на ощупь лучше, чем собственное имя.

Но губы продолжали шевелиться. Ещё секунду. Две. Три. Мелкие, беззвучные движения. Как у человека, который договаривает предложение, хотя собеседник уже давно ушёл из комнаты.

А потом — остановились. Рот замер. Подбородок расслабился. Лицо стало по-настоящему спящим: тяжёлым, обмякшим, без следа той странной сосредоточенности, которая была секунду назад. Как программа, которая завершила последний процесс и ушла в спящий режим.

Сара прижала дочь к груди. Лили обмякла на руках, голова упала на плечо матери, руки болтались. Вес семилетнего ребёнка — сорок два фунта, которые казались сейчас неподъёмными. Она отнесла Лили к кровати. Уложила. Натянула одеяло до подбородка. Подоткнула края. Кролика Кевина подняла с пола и положила рядом, на бок, как спящего.

Лили не проснулась. Дыхание было ровным. Глубоким. Чистым.

Сара стояла над кроватью, считая вдохи. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Нормально.

Она посмотрела на стену. Ту самую, к которой прижималась Лили. Обычный гипсокартон. Бежевая краска. Ни следа, ни вмятины, ни влажного пятна, ни даже отпечатка детского лба. Стена как стена. Сара протянула руку. Коснулась кончиками пальцев. Прохладный. Сухой. Безжизненный. Как и положено гипсокартону в августе. Она убрала руку.

Сара не ушла. Не потому что боялась — хотя боялась. Потому что ноги не несли. Колени подогнулись сами, без её разрешения, и она опустилась на пол, спиной к стене — не к той, у которой стояла Лили, а к противоположной. Холодный гипсокартон лёг между лопаток, как чужая прохладная ладонь. Ночник горел оранжевым. Лили дышала ровно. Кролик Кевин лежал на боку, плюшевый бок поднимался и опускался вместе с одеялом — оптическая иллюзия, движение воздуха от дыхания.

Сара сидела. Минуту. Пять. Десять. Лодыжки начало сводить. Холод пола пробирался через пижамные штаны, через кожу, в кость. Она подтянула колени к груди, обхватила руками. Пальцы нащупали собственные рёбра сквозь ткань.

Тишина не возвращалась к норме. Кондиционер не включился. Термостат в коридоре, должно быть, всё так же светился голубым, обещая семьдесят два градуса, которые никто не

обеспечит. Цикады за окном не просыпались. Трасса не шумела. Даже далёкий собачий лай — обычный ночной звук любого пригорода в Огайо — не доносился через стены. Дом молчал.

И в этом молчании Сара начала различать кое-что ещё. Не звук. Ощущение. Дом смотрел на неё. Не глазами — у стен нет глаз. Но чем-то, что заменяет взгляд, когда ты один в тёмной комнате и знаешь, что ты не один.

Она не стала бороться с этим ощущением. Не стала включать свет. Не стала идти вниз, проверять замки, включать телевизор, делать всё то, что делают люди, когда им страшно и нужно доказать себе обратное. Она просто сидела. Потому что вставать было хуже.

На кухне, далеко внизу, капнул кран. Один удар капли о нержавеющую сталь раковины. Звук прошёл через вентиляцию, через перекрытия, через пустоту дома — и долетел до Сары, отчётливый, как одиночный выстрел в пустом концертном зале.

Пауза.

Сара начала считать. Раз. Два. Три. Четыре. Тишина. Пятого удара не было. Она подождала ещё. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Кран молчал. Одна капля. Один удар. И всё. Как будто кто-то открыл вентиль на одно мгновение — чтобы сказать одно слово — и закрыл.

Сара смотрела на спящую дочь. Лили дышала. Губы не шевелились. Лицо было спокойным — тем самым спокойствием, которое бывает у детей, когда они наконец перестают бороться со сном и позволяют ему забрать себя целиком.

Сара закрыла глаза. Не для того, чтобы уснуть. Для того, чтобы перестать видеть стену.

Холод пола забирался выше. От лодыжек к коленям, от коленей к бёдрам. Пальцы ног онемели. В икрах пульсировала судорога — тонкая, назойливая, как предупреждение. Она сменила позу, вытянула ноги, потом подогнула снова. Лодыжки горели. Мышцы требовали движения. Кровь застоялась. Но Сара не вставала.

Она не могла объяснить — ни себе, ни кому-либо ещё — почему сидит на полу в детской, в три часа ночи, прижавшись спиной к стене, как солдат на посту, который не знает, от кого охраняет. Если бы кто-то спросил, она бы сказала: Лили приснился кошмар, лунатизм, бывает у детей при переезде, я решила остаться. Это было бы правдой. Но неполной. Полная правда заключалась в том, что она боялась уйти. Боялась, что если она встанет и спустится вниз, оставив дочь одну в этой комнате с этой стеной, дом снова сделает вдох. И выдохнет его на Лили.

Сара не знала, откуда пришла эта мысль. Она не была её. Она появилась извне, как чужое сообщение на экране заблокированного телефона. Но она была правильной. Единственно правильной в этой тишине, которая была не тишиной, а вырезанной полостью.

Вентиляционная решётка над дверью молчала. Ни потока воздуха, ни вибрации. Воздух в комнате стоял неподвижно, как в запаянной банке. Сара дышала медленно. Вдох — четыре секунды. Задержка — четыре. Выдох — четыре. Задержка — четыре. Квадратное дыхание. Техника, которую она вычитала в статье про тревожность у родителей-одиночек и применяла теперь, когда мир трещал по швам.

Кран на кухне молчал. Тишина давила на уши изнутри. Давление росло — медленно, как в самолёте при наборе высоты. Сара сглотнула, чтобы выровнять. Не помогло.

Она открыла глаза. Лили спала. Одеяло поднято до подбородка. Одна рука поверх одеяла, пальцы расслаблены, кончики касаются плюшевого бока Кевина. Ночник горел. Стены стояли. Трещина на потолке тянулась от люстры к карнизу, неподвижная, как шрам. Всё было нормально.

Сара опустила веки. Только на секунду. Только чтобы дать глазам отдых от оранжевого полумрака. Холод пола забрался в поясницу. Судорога в лодыжках превратилась в тупую, пульсирующую боль. Тело просило движения, тепла, собственной кровати этажом ниже. Сара не двигалась.

Сон пришёл не как волна — как обвал. Тело выключилось внезапно, без предупреждения, как прибор, у которого сел аккумулятор. Мысль оборвалась на середине — что-то про кран, про каплю, про паузу, которая была длиннее, чем...

Последнее, что она почувствовала перед тем, как провалиться, был холод. И ощущение, что тишина в комнате — не пустая. А полная. Наполненная чем-то, что ждало, пока она наконец уснёт.

ГЛАВА 3. ЖЕСТЯНКА

Косички не шли. Пальцы соскальзывали с прядей, резинка щёлкала в пустоту, и Лили дёрнула головой — затяжка вышла тугой.

— Мам, больно.

— Секунду, кнопка.

— Автобус, мам. Автобус.

Лили топталась у порога. Рюкзак с блёстками тянул плечи вниз, лямка сползла, девочка подхватила её локтем. Второй рукой она прижимала к груди Кевина — плюшевого кролика с облезшим ухом, держа его перед собой ровно, как паспорт на границе.

Сара опустилась на колени прямо в прихожей. Линолеум холодил сквозь пижамные штаны. Она нашла начало плетения от затылка, где волосы ещё пахли сном и тёплым тестом. Думать сейчас было всё равно что читать инструкцию к стиральной машине во время пожара. Руки делали своё. Прядь к пряди. Тёмно-русая, тонкая, электризовалась от сухого воздуха. Резинка. Щелчок.

— Готово.

Лили не обернулась. Не сказала спасибо. Просто рванула к двери, босые пятки шлёпнули по бетону крыльца. Сара смотрела в окно: дочь машет жёлтому коробу, разворачивающемуся в конце тупика. Автобус остановился. Дверь сложилась гармошкой. Лили нырнула внутрь, не оглянувшись. Блёстки вспыхнули коротко, жестяно, и погасли. Автобус проглотил поворот. Улица опустела.

Сара стояла на крыльце дольше нужного. Дольше, чем позволяла себе последние пять лет. Ветер гнал сухую травинку вдоль бордюра, та скребла бетон тонким звуком. Семь домов. Семь прямоугольников газона. Ни одна косилка не работала — слишком рано для Грегга, слишком поздно для остальных. Тишина лежала ровная, стерильная. Она вернулась в дом. Закрыла дверь. Запирать не стала — в Сидар-Холлоу это дурной тон, почти обвинение. Прошла на кухню, выпила воды из-под крана стоя. Хлорка. Металл. Поставила стакан в сушилку, вытерла ладони о джинсы.

Ей нужно было ехать. Не к подруге или кофейню на Мейн-стрит, где бариста помнит про овсяное молоко и то, что до десяти утра она молчит. Ей нужен был магазин электроники. За камерой. Решение не приходило. Оно просто оказалось там, в груди, камнем, который проглотила и забыла. Может, в три ночи, когда лежала на полу в коридоре и слушала шёпот Лили в стену. Может, раньше. Может, в ту ночь, когда умер кондиционер и тишина стала плотной ватой.

Ключи. Кошелёк. Телефон. Сара ушла через заднюю дверь — не хотела проходить мимо дома Грегга. Не страх. Нежелание видеть, как он возится со своей косилкой, нежелание кивать, выдавливать «доброе утро» голосом человека, только что слушавшего свою семилетнюю дочь. Машина завелась со второго раза. Двигатель кашлянул, прокашлялся, выровнялся. Сара вырулила с подъездной дорожки, повернула направо, за заправку, туда, где начинался старый торговый ряд. Вывеска выгорела до слепоты, но колокольчик звенел. Внутри пахло хлоркой, нагретым пластиком и складской пылью.

Сара взяла красную пластиковую корзину. Ручка липла к влажной ладони. Шла между рядами, не глядя по сторонам. Салфетки. Бумажные полотенца. Средство для посуды — густое, жёлтое, прозрачное. Флакон. Рука двигалась сама, хватала привычное, безопасное. А потом остановилась. Нижняя полка. Камеры наблюдения. Маленькие чёрные круги стеклянных глаз. Инфракрасные. Для детских комнат. Для нянь. Для тех, кто хочет видеть, как спит ребёнок этажом выше, пока сам лежит без сна.

Пальцы зависли над коробкой. Рядом стояла женщина. Лет тридцати, мягкий серый свитер натягивал круглый живот. В руках радионяня — белая, с антенной, экранчиком, зелёным индикатором.

Женщина шевелила губами, читая мелкий шрифт на обороте. Подняла глаза на Сару. Улыбнулась коротко, устало — той улыбкой, которой обмениваются незнакомки в очереди к педиатру.

— Первый? — кивнула на живот. Сара моргнула.

— Что?

— Говорю, первый. Я вот тоже. Взяла видеомонитор. Говорят, никак, если беспокойный. Женщина погладила живот, положила радионяню в корзину.

Сара смотрела на неё. На круглый свитер. На мягкие пальцы. На наклон головы, прислушивание к чему-то внутри. И поняла так ясно, что стало тошно.

Они покупают одно и то же. Ту же штуку. Только эта женщина покупает её для младенца, которого ещё нет. Для нормального страха. Нормальных ночей, когда слышишь кряхтение и не понимаешь — дышит или нет. А Сара покупает это для семилетней дочери. Которая встаёт в три ночи и идёт к стене. Которая шепчет чужим голосом.

Прижимается лбом к гипсокартону, двигает губами, как сломанный механизм. Камера в руке стала свинцовой. Сара почувствовала жар в шее, ползущий за уши. Захотелось положить коробку обратно. Извиниться. Сказать: мне не нужно, я ошиблась, это не для того. Но женщина уже отвернулась, пошла к кассе, покачивая бёдрами, колокольчик звякнул, выпуская её в август.

Сара быстро сунула камеру в корзину. Поверх салфеток. Словно прятала. Словно неприлично. Пошла к кассе, не глядя на полки.

Кассир — прыщавый, скучающий — пробил покупку. Пакет зашуршал. Камера внутри весила ничего. На парковке Сара сидела в машине три минуты. Двигатель молчал. Смотрела на пакет на пассажирском сиденье, на белый прямоугольник солнца сквозь тонкий пластик. Потом повернула ключ. Поехала домой. Дома поднялась сразу наверх, минуя кухню. Комната Лили залита августовским светом. Одеяло заправлено казарменно. Розовый Кевин сидит на подушке мордой к двери — часовой, страж. Пахнет шампунем, сладким ванильным запахом, который живёт только в детских комнатах и исчезает навсегда после двенадцати.

Сара поставила пакет на пол. Достала камеру. Чёрный пластик, стеклянный глазок. Красный диод мигнул раз — при включении. Поставила на полку. Между раскрасками про лошадей и жестяной. Жестянка. Бабушкина, из-под датского печенья. Сорок лет назад съели рождественское, крышка с тех пор не закрывается плотно. Сахар окаменел бурым камнем. Сара пыталась выбросить дважды. В первый раз рука не поднялась. Во второй — пальцы онемели на полпути к ведру, вернула на полку. Между раскрасками. Крышка приоткрыта на два пальца. Как рот во сне. Сара потянулась закрыть. Замерла в дюйме от жести. Опустила руку.

Камера стояла между раскрасками и жестяной. Не рядом. Именно между. Объектив смотрел на подушку. На место, где ночью вздымается фланель, живёт тепло. Красный диод вспыхивал раз в три секунды. Ровно. Терпеливо. Пульс мёртвой машины, которая умеет только смотреть. Сара убрала руку. Боялась коснуться пластика снова. Словно камера живая. Словно прикосновение разбудит запись. Внизу кофеварка выдала последнюю каплю сухим кашлем. Сара спустилась. Выпила кофе стоя. Вкуса нет. Горечь пластика, запах металла. Помыла чашку. Вытерла. Поставила в сушилку. Тишина давила перепонки. Не пустота отдыхающих стен. Другая. Наполненная. Как комната, где только что замолчали.

Сара села за стол. Открыла ноутбук. Экран белым. Приложение загрузилось. Левый верхний угол — чёрный квадрат. Детская. Кровать. Подушка тёмным пятном волос. Кролик на полу мордой вниз, лапы разбросаны, будто зверёк умер в прыжке. Жестянка. Красный диод. Раз. Два. Три.

Сара закрыла крышку ноутбука. Не готова. Ещё не время. Дождаться вечера. Уснёт. Тишина станет густой, можно будет различить то, чего быть не должно. Встала. Пошла к окну. Подъездная дорожка, серый бетон, следы босых ног Лили утром. Чёрные полумесяцы пыли. Подсыхают. Исчезают.

В час дня автобус привёз Лили. Жёлтый короб, дверь гармошкой, дочь вывалилась наружу пробкой. Рюкзак на одном плече. Кевин торчит из кармана, ухо висит.

— Мам! Лили влетела в дом, не разуваясь. Кроссовки серые полосы на линолеуме.

— Мам, у нас новая учительница. Мисс Хартли не пришла. Сара стояла у раковины, руки в пене. Обернулась.

— Как не пришла?

— Ну, не пришла. Миссис Граймз говорит, отпуск. А вместо неё мисс Тёрнер. Сову рисовать не умеет.

— Может, приболеет. Вернётся через неделю.

— Угу.

Лили стащила рюкзак, бросила у порога, выскочила на улицу. Кроссовки шлёпнули. Сара вытерла руки. Посмотрела в окно. Лили на корточках у дорожки. Мелки шуршат в кармане куртки. Жёлтый. Круг. Лучи короткие, кривые, неровные. Один выбивается далеко вбок, длиннее остальных. Хищный. Палец указывающий за пределы рисунка. Лили не поднимает головы. Бетон принимает цвет. Жёлтая крошка под ноготь. Сара смотрела через стекло. Как тянется за розовым. Как розовый луч пересекает жёлтый. Без улыбки. Без радости. Работа. Заполнение пустоты цветом.

Вечер пришёл незаметно. Солнце за крышу Грегга, кухня оранжевая, густая гуашь. Макароны. Лили болтает ногами, рассказывает про мисс Тёрнер, сову, мальчика Кайла, три порции пудинга. Обычный вечер. Обычный ребёнок. Кухня авокадо, провисшая ручка холодильника. Потом зубы. Пижама. Кевин под мышкой. Лили вверх по ступеням шарканьем. Сара заправила кровать, поправила подушку.

— Дверь, мам. Не закрывай.

— Не закрою, кнопка.

Щель. Два пальца. Лили ненавидит закрытые двери. Говорит, снится удушье. Когда началось — после Марка, раньше — неважно. Щель остаётся. Всегда.

Лили уснула быстро. Дыхание глубокое, мерное. Косички растрепались по подушке. Сара стояла в проёме, считала секунды вдоха. Раз. Два. Три. Четыре. Ровно. Живое. Вышла. Прикрыла. Оставила щель. Спустилась на кухню. Села за стол. Открыла ноутбук. Экран вспышка. Приложение. Зелёное свечение тепловизора слева вверх. Комната. Кровать. Одеяло. Подушка тёмным расплывом волос. Кролик на полу мордой вниз. Жестянка. Красный диод. Раз в три секунды. Лили спит. Грудная клетка поднимается, опускается. Мерно. Тихо. Сара смотрит на экран. Пальцы на тачпаде. Курсор над треугольником воспроизведения.

Нажми — увидишь.

Нажми — узнаешь.

Встаёт ли. Идёт ли к стене. Шевелятся ли губы. Палец не двигался. Сара смотрела на курсор. Курсоры смотрели друг на друга. Красный диод камеры мигал в углу экрана, терпеливый, безразличный. Раз. Два. Три. Метроном. Пульс. Отсчёт до начатого, неотменимого. За окном тихо. Ни косилки, ни разбрызгивателя. Ветер в клёне у забора, далёкий гул трансформаторной будки на Вентворт-стрит. Ночь дышит ровно. Пригород спит. Семь домов. Семь окон. Семь тишин сложены колодой. Сара не нажала. Закрыла крышку медленно. Пластик щёлкнул. Экран погас. Отражение проступило на тёмном — бледный овал, чёрные провалы глаз, рот сжат линия. Три секунды взгляда. Отвела. Встала. Погасила свет кухни. Наверх. Мимо детской. Щель. Дыхание. Ровное. Чистое. Не заглянула. Не поправила одеяло. Прошла мимо. Своя спальня. Кровать. Потолок. Трещина в углу — первая ночь. Паутина штукатуркой. Смотрела,

пока не заболели глаза. Закрыла их. Не уснула. Лежала. Слушала. Наверху — рядом, за стеной — Лили. Вдох. Выдох. Ровно. Без пауз. Без звуков. Ребёнок. Сон. Ночь старого дома, восемьдесят лет, стены помнят всех. Перевернулась на бок. Простыня холод. За окном ветер качает ветку клёна, тень ползёт потолком палец циферблата. Кран на кухне капнул. Звук труб стена фундамент. Капнул снова. Пауза. На один удар сердца длиннее. Сара открыла глаза. Темнота. На полке в детской, между раскрасками и жестянкой, красный диод мигал. Раз в три секунды. Записывал. Терпеливо. Беззвучно. Смотрел на спящего ребёнка и ждал. А жестянка стояла с приоткрытой крышкой. На два пальца. Рот во сне. И в этой щели, тёмном провале между жестью и жестью, что-то шевельнулось. Едва. Дыхание. Вдох. Красный диод мигнул. Раз. Два. Три. Запись

ГЛАВА 4. ПЕРЁВЁРНУТЫЙ ГОЛОС

Шестое утро в Сидар-Холлоу пахло свежескошенной травой и перегретым пластиком кофеварки. Солнце лежало на кухонном столе плоским жёлтым прямоугольником, грело тыльную сторону ладони Сары, пока она открывала ноутбук. Крышка поддалась с сухим шелчком. Экран вспыхнул белёсым — глянцева́я тьма отразила кухню: раковину, край окна, спину Грегга за стеклом. Он вёл косилку вдоль забора. Стрекот лезвий просачивался сквозь раму ровным жужжанием.

Папка. Шесть файлов. Шесть ночей. Сара кликнула на последний.

Комната Лили залила экран ядовито-зелёным свечением тепловизора. Всё мягкое, утробное. Кровать. Одеяло комом в ногах. Кролик мордой в плинтус. Девочка спит. Грудная клетка мерно поднимается, крадёт воздух у комнаты. Четыре минуты ничего не происходит. Сара смотрит на зелёную фигуру дочери и слушает, как Грегг разворачивает косилку у бордюра. Бензин. Свежий срез. За спиной кофеварка делает последний плевок паром.

На четвёртой минуте Лили садится. Без рывка. Без звука. Босые ступни опускаются на линолеум. Мягкое влажное шарканье. Девочка идёт к стене. К той самой, в углу, где раньше была бабушкина кладовка. Прижимается лбом к штукатурке. Губы шевелятся.

Сара прибавляет громкость. Сначала только шорох ткани о гипсокартон. Дыхание. Потом звуки ломаются. Слоги вывернуты наизнанку, пропущены через мясорубку, задом наперёд. Сквозь цифровой песок пробивается что-то похожее на слово, распадается на обрубки. Зелёная волна аудиодорожки пульсирует на экране, зубчатая, как кардиограмма. Один клик. Волна зеркалится. Зубцы смотрят в другую сторону. Пробел.

И тишину кухни, разбавленную бензиновым выхлопом и треском остывающего тостера, пререзает голос. Её собственный. Та самая хрипотца на «р», которая бывает спросонья, когда связки ещё тёплые. Тот самый короткий вдох перед словом, когда рот уже открыт, а мысль блуждает в темноте. Пауза между воздухом и звуком. Та самая, которую Сара слышит каждое утро изнутри собственной гортани. За окном Грегг разворачивает косилку. Кофеварка плюётся. Тостер звенит, отпуская два ломтика в пустоту. Голос говорит: — Не открывай люк. Стрекот ровный. Трава падает. — Не открывай люк. Тостер остывает с тихим металлическим вздохом. — Не открывай люк. Трижды. Монотонно. Устало. Буднично. Таким тоном просят передать соль или выключить свет в коридоре. Абсолютная пустота человека, который повторяет рецепт по памяти, потому что думать больно, а мышцы гортани умеют сокращаться сами.

Сара замирает. Пальцы впиваются в пластик крышки. Костяшки белеют. Они не сжимаются сильнее. Просто лежат. Мёртвая хватка. Процессор давно остыл. Запись кончилась. На экране — прямая зелёная линия. Идеальная тишина. Она смотрит на эту линию и ничего не видит. За окном Грегг косит. Кофеварка мертва. Тостер остыл. Обычное утро. Август. Пригород. Семь идеальных прямоугольников травы за стеклом. Переслушать нельзя. Физически невозможно. Голос больше не в динамиках. Он поселился в черепе, вибрирует в миндалинах. Хрипотца. Вдох. Пауза. Свой голос из чужого рта. И от этого мутит сильнее всего, потому что своё не выкинешь в окно. Своё приходится носить в себе.

Слово застревает в трахее осколком стекла. Люк. Она знает, где он. Коридор. Прямо под стыком линолеума. Там, где ковра́я дорожка топорщится. Бабушка держала его закрытым сорок лет. Сорок лет молчания. Мать ни разу не подняла крышку. Последние три года они не общались. Теперь спросить некого. А голос сказал — не открывай. И этот голос был её собственным.

Сара закрывает ноутбук. Ладони ложатся на тёплый пластик. Держат. Тепло не от батареи. Оно похоже на прикосновение к чужому запястью. Секунда. Две. Три. Пальцы не разжимаются. За окном косилка Грегга стрекочет ровно, как метроном. Пахнет хлорофиллом и

сыростью. Нормальное утро. Нормальный вторник. Нормальная женщина сидит за кухонным столом в Сидар-Холлоу, штат Огайо, и держит в руках остывающий ноутбук. Десять минут Сара не двигается. Десять минут смотрит на закрытую крышку. На кривое солнце, наклеенное Лили в первый день. Маркером: «Мамина работа». Десять минут слушает, как Грегг добирает последнюю полосу газона. Как тостер остывает. Как тишина в доме становится плотной, напряжённой, как рот, который зажали ладонью снаружи.

Потом встаёт. Идёт в коридор. Не обходит стык. Впервые за шесть дней — не обходит. Останавливается прямо перед ним. Смотрит. Ковровая дорожка над стыком чуть приподнята. Едва. На миллиметр. Но приподнята. Как будто кто-то дышит снизу. Медленно. Ровно. Вдох поднимает ткань. Выдох опускает. Сара стоит над этим дыханием и чувствует, как собственное горло сжимается в ответ. Она не наклоняется. Не поднимает край дорожки. Просто смотрит. Три секунды. Пять. Семь. Ковровая ткань вздымается и опадает. Живая. Тёплая.

Сара отступает. Один шаг. Два. Поворачивается и идёт на кухню. Там всё на своих местах. Чашка в раковине. Лужа остывшего кофе на столешнице. За окном Грегг глушит косилку, и стрекот обрывается так резко, что тишина бьёт по ушам. Сара берёт чашку, подставляет под струю. Вода тёплая. Два движения губкой. Чашка встаёт в сушилку донышком вверх.

Она достаёт телефон. Набирает номер школы. Три гудка. Четыре. — Начальная школа Элеоноры Рузвельт, офис миссис Граймз. Чем могу помочь? Голос ровный. Уставший. — Добрый день. Меня зовут Сара Уиттакер. Лили Уиттакер, второй класс. Я хотела спросить... мисс Хартли. Учительница рисования. Её не было на родительском собрании, и Лили говорит, что на уроках другая... Пауза. Короткая. Бумажная. Шелест чего-то на заднем плане. — Мисс Хартли в личном отпуске, миссис Уиттакер. Районный отдел оформил документы. Замещающий педагог ведёт уроки до конца семестра. — А когда она вернётся? Снова пауза. Длиннее первой. — У меня нет этой информации. Могу записать ваш вопрос для администрации. — Нет. Не нужно. Спасибо.

Сара кладёт трубку. Экран гаснет. Личный отпуск. Две недели. Серебристый «Фольксваген» на школьной парковке, который никто не забирает. Две недели. Никто не написал в районный чат. Никто не позвонил копам. В Сидар-Холлоу неудобных вопросов не задают. Здесь все свои. А свои не пропадают посреди белого дня. Сара ставит телефон на стол. Экраном вниз. За окном Грегг тащит косилку к гаражу. Лезвия ещё вращаются по инерции, чиркают по бетону дорожки. Разбрызгиватель на его лужайке качается влево-вправо, дробит солнце на мокрые алмазы. Трава темнеет, напиваясь. Грегг не машет. Сара не ждёт. Это август. Это пригород. Она идёт к холодильнику. Открывает дверцу. Пакет молока на средней полке. Этикеткой к задней стенке. Сара не трогает его. Просто смотрит. Закрывает дверцу. Ладонь на белой эмали. Раз. Два. Три. Убирает руку.

Коридор. Стык. Ковровая дорожка дышит. Сара проходит мимо. Обходит. Ноги сами находят траекторию. Раз. Два. Три. Тело помнит ритуал, забытый разумом. Бабушка обходила. Мать обходила. Сара обходит. Не потому что хочет. Потому что ноги отказываются наступать. Она возвращается на кухню. Садится. Открывает ноутбук. Папка. Шесть файлов. Курсор зависает над первым. Закрыть. Закрыть папку. Закрыть крышку. Голос в черепе не закрывается. Не открывай люк. Не открывай люк. Не открывай люк. Трижды. Буднично. Как рецепт. Как прогноз погоды. Хрипотца на «р». Вдох. Пауза. Сара сидит за столом и смотрит в окно. Грегг скрылся в гараже. Разбрызгиватель продолжает работать сам по себе. Солнце ползёт по столешнице, греет остывший кофе в чашке. На дне раковины чернеет последняя капля. Тостер молчит. Кофеварка молчит. Дом молчит. Лили в школе. Рюкзак с блёстками. Косички. Мелки в кармане куртки. Новая учительница вместо мисс Хартли. Личный отпуск. Две недели. Серебристый «Фольксваген» на парковке. Дворники торчком. Никто не спрашивает. Сара моет руки. Горячая вода. Пена. Пока ладони в мыле, можно не думать. Можно не слышать. Можно не знать, что ковра́вая дорожка в коридоре вздымается и опадает в такт чему-то, у чего нет

имени. Кран закрыт. Полотенце. Крючок. Она садится обратно. Смотрит на свои руки. Подушечки пальцев чуть огрубели от воды. Помнят угол наклона пакета молока. Помнят траекторию обхода. Помнят то, чего голова не знает. За окном разбрызгиватель качается. Солнце стоит высоко. Август. Пригород. Семь домов. Семь идеальных газонов. Ничего не происходит. Никто не кричит. Никто не бежит. Женщина сидит за кухонным столом и смотрит на свои руки.

А в коридоре, под стыком линолеума, под ковровой дорожкой, которая вздымается и опадает, под сорокалетним молчанием бабушки, под словом «люк», которое произнёс чужой рот её собственным голосом, — что-то лежит. Тёплое. Терпеливое. Ждёт. Не торопится. У него есть время. У него есть весь дом. Сара не идёт в коридор. Не наклоняется. Не слушает. Она встаёт. Идёт к раковине. Берёт ложку, которую оставила в мойке. Кладёт в сушилку. Ложка звякает о фарфор. Тихо. Нормально. Металл о керамику. И в этот самый момент, в этот самый тихий, солнечный, абсолютно нормальный момент вторника в Сидар-Холлоу, штат Огайо, — ложка в сушилке дребезжит. Едва заметно. Мелко. В унисон с чем-то массивным, что лежит глубоко под фундаментом. Вибрация проходит по стали мойки, по кафельной плитке, по бетону перекрытия. Ниже сорока герц. Не слышишь ушами. Ощущаешь зубами. Коренными, глубоко в челюсти. Сара ставит чашку. Берёт следующую тарелку. Моет. Вытирает. Ставит. Она этого пока не слышит. Её барабанные перепонки слишком заняты биением собственной крови. Голосом из чужого рта. Словом «люк», которое осело в гортани осколком стекла. А гул растёт. Медленно. Ровно. Из-под пола. Из-под бетона. Из-под того самого стыка, который она обошла трижды. Из-под ковровой дорожки, которая дышит. Кап. Пауза длиннее, чем нужно. Кап. Ложка в сушилке дребезжит. Тихо. Почти неслышно. В такт чему-то огромному, что ворожается под домом. Сара не оборачивается. Моет последнюю тарелку. Вытирает руки. Вешает полотенце. За окном солнце. Грегг закрыл гараж. Разбрызгиватель качается. Трава темнеет. Всё нормально. Под полом гул становится плотнее. Ещё на полтона ниже. Ещё на одну вибрацию ближе к поверхности. Ковровая дорожка в коридоре вздымается. Опадает. Вздымается. Сара этого не видит. Сара наверху. Укладывает Лилины мелки в ящик. Завтра школа. Завтра автобус. Завтра косички и рюкзак с блёстками. Завтра нормальное утро, в котором нет перевёрнутых голосов и люков, которые нельзя открывать. Завтра. А сегодня дом дышит. Тихо. Ровно. Терпеливо. И ждёт, пока она уснёт.

ГЛАВА 5. ТРИ НОЧИ

Рассвет не знал, кем быть — серым или желтым. Сара прогнала первую запись именно в эту щель времени. Ноутбук грел колени сквозь пижаму. Крышка откинута, экран затянут зеленоватой пленкой тепловизора. За спиной щелкнула кофеварка, выплюнув последнюю каплю в пустой графин. Сара не обернулась. Палец лежал на пробеле.

Лили на записи садилась ровно. Без рывка, без стога. Тело поднималось с матраца медленно, как тесто в духовке, на чужом дыхании. Босые ступни коснулись пола. Шарканье. Три шага до стены. Лоб упирается в штукатурку. Губы работают.

Сара перевернула аудиодорожку.

Тишина. Цифровой песок. Шорох ткани о гипсокартон. А потом голос. Ее голос. Та самая хрипотца на «р», которая бывает только в первые секунды после сна, когда связки еще мягкие и не знают, что от них потребуют. Короткий вдох. Пауза между воздухом и звуком. — Собирай манатки сегодня. Забери девчонку. Сваливайте.

Сара нажала стоп. За окном завели двигатель. Далекий звук чужой машины. Она закрыла крышку ноутбука. Открыла. Закрыла. Пальцы не слушались — не от страха. От узнавания. Голос был ее. Не похож. Не имитация. Ее. С той самой микропаузой перед первым словом, когда рот уже открыт, а мысль догоняет спину.

Она налила кофе. Выпила стоя, глядя в окно на семь идеальных прямоугольников травы. Грегг уже косил. Стрекот лезвий долетал сквозь стекло приглушенный, ровный, как сердцебиение спящего. Сара допила. Ополоснула кружку. Поставила в сушилку.

Вторую ночь она ждала.

Ночь вторая пришла со скошенной травой. Запах проник в дом сквозь щели рам и осел на шторах мертвой зелены. Лили уснула в девять. Сара сидела в коридоре, на полу, спиной к холодной стене напротив детской. Дверь приоткрыта. Щель. Изнутри — ровное дыхание и запах теплого молока, который живет только в сгибе локтя спящего ребенка.

В два четырнадцать Лили встала. Сара слышала шлепки босых пяток по линолеуму. Не пошла за ней. Не поднялась. Сидела, вцепившись пальцами в ткань штанов, и слушала, как дочь прижимается лбом к стене в дальнем углу. Губы. Шорох. Тишина.

Утром Сара открыла файл. Перевернула дорожку. Нажала воспроизведение. Голос сказал: — Если рванешь сейчас — она задохнется в машине. Тот же тон. Та же кухонная усталость в каждом слове. Так говорят, когда просят передать пульт. Когда напоминают про мусор по средам. Никакой угрозы. Просто констатация. Прогноз погоды для одного конкретного вторника.

Сара слушала дважды. На второй раз заметила лишний вдох перед словом «машина». Короткий, сиплый. Как будто тот, кто говорил, тоже устал. Тоже хотел спать. Тоже стоял у раковины и смотрел в окно на чужой газон, потому что больше смотреть было некуда.

Она закрыла ноутбук. Положила ладони на пластик. Тепло. Не от батареи. Другое. Убрала руки. За окном разбрызгиватель Грегга качал головой. Влево-вправо. Вода дробила утренний свет на мокрые осколки. Сара смотрела на эту механику три секунды. Потом пошла мыть чашку.

Третью ночь она почти пропустила. Задремала на диване в гостиной, щека примята к подлокотнику, шея затекла под углом, невозможным для живого человека. Проснулась в три ноль семь от тишины. Не от звука. От его отсутствия. Кондиционер, гудевший с августа, замолчал. Трубы молчали. Ветер молчал. Дом стоял в вакууме, как банка, из которой выкачали воздух.

Наверху шлепнули босые ноги. Сара не пошла. Не могла. Колени не разгибались — тело решило за нее: сидеть. Ждать. Слушать снизу, как семилетняя девочка разговаривает со стеной.

Утром файл был готов. Красный диод камеры мигал в архиве записей ровным пульсом. Сара открыла. Перевернула. Нажала. — Она жрет изнутри. Ты просто не видишь челюстей. Ровно. Спокойно. Буднично. Как рецепт запеканки. Как список продуктов на неделю. Голос Сары произнес это с интонацией человека, которому нужно забрать сухую чистку до шести.

Она сидела перед экраном десять минут. Не двигалась. Кофе остыл, покрылся темной пленкой. За окном Грегг выключил косилку. Тишина стала другой — не вакуумной, а дневной, полной птиц и далекого лая. Сара не слышала. Внутри черепа жил голос. Ее голос. Три фразы. Три сценария. Бежать. Стоять. Поздно.

Она не знала, какой настоящий. От этого незнания сводило горло. Ком встал такой плотный, что глотать было больно, а дышать — еще больнее. Телефон лежал на кухонном столе экраном вниз. Сара смотрела на него два часа. Мыла посуду, которую не нужно было мыть. Протирала чистую столешницу. Переставляла магнит на холодильнике с левого угла на правый. Телефон лежал. Экраном вниз. Терпеливый, как камень.

В шесть вечера она взяла его. Пальцы были мокрые от воды и пахли лимонным средством. Экран вспыхнул. Контакты. Рейчел. Старая подруга со времен бухгалтерской конторы в Колумбусе. Присылала открытки на Рождество. Звонила раз в два месяца спросить, не нужна ли помощь. Гудок. Второй. Третий. — Алло? Сара? Ты чего в такое время? Голос Рейчел был из другой жизни. Где стены — просто гипсокартон, пол — просто пол. Где гул — это холодильник, а не то, что живет под фундаментом. Сара открыла рот. Язык внутри казался чужим. Тяжелым. Сырой кусок теста, отказывающийся принимать форму слов. — Мм... Рейч... мы тут... Лили... — Что с ней? Температура? Рвёт? — Нет. Она... стена... там за стеной... Пауза на том конце. Осторожная. Та самая пауза, когда человек решает: говорить всерьез или списать на усталость. — Сара, ты чего? Какая стена? Ты выпалась вообще? Переезд — это всегда... — Я слышу свой голос. Из нее. Ночью. Она стоит у стены и говорит моим голосом вещи, которые я не говорила. Тишина. Длинная. Сара слышала телевизор у Рейчел. Кто-то смеется. Реклама. Нормальный звук нормального вечера. — Слушай, — Рейчел перешла на мягкий тон врача скорой. — У тебя богатое воображение. Всегда было. Переезд, Лили, школа новая. Выспись. Дам контакт хорошего педиатра, если Лили лунатит. — Рейч... — Мне через десять минут на созвон. Скинь сообщение. Напиши, как она. Обнимаю. Короткие гудки. Сара держала телефон у уха пять секунд. Потом опустила. Экран погас. В черном стекле отразилась кухня. Ее лицо. Размытое, темное, без выражения. Больше она не позвонит. Не из-за обиды. Слов не существовало. Ни в одном языке нет букв для того, что поселилось за гипсокартоном. Нельзя сказать: «Мой голос выходит из рта моей дочери в три ночи и велит не открывать люк, которого не было двадцать лет». Это не предложение. Это диагноз.

Сара положила телефон экраном вниз. Включила воду. Мыла руки. Долго. Пока пена не стала густой и теплой, пока пальцы не покраснели. Пока ладони заняты делом, голова может молчать.

На третью ночь, после третьего прослушивания, Сара не пошла спать. Стояла посреди кухни, босая, в пижаме с выцветшими полосками, и смотрела в коридор. На стык линолеума. На место, где ковровая дорожка чуть приподнималась, будто кто-то дышал снизу. Она не пошла туда. Повернулась. Пошла в гараж. Гараж пах бензином, пылью и картоном. Лампочка над дверью мигнула дважды, прежде чем загореться ровным желтым светом. Коробки стояли в три ряда. Маркированные. «Кухня». «Документы». «Лили — школа». «Марк». Последнюю Сара не открывала. Не могла. Прошла мимо. В дальнем углу, за сложенным велосипедом Лили, стояла коробка без надписи. Картон пожелтел. Углы размякли от давней влаги. Сара узнала ее. По запаху — сухому, бумажному, с примесью лаванды. Бабушкин запах. Бабушкина коробка. Опустилась на колени. Бетон охлаждал кожу сквозь пижаму. Открыла крышку. Внутри лежали вещи двадцатилетней давности. Связка старых ключей. Выцветшая фотография — бабушка на крыльце, руки в муке, улыбка прищуренная. Платок. И на самом дне, в марле, — мел. Белый.

Толстый. Школьный. Пять палочек, перехваченных резинкой. Не тот, что продают сейчас в пластике. Другой. Тяжёлый, шершавый, с запахом извести и чего-то сладковатого, цветочного. Под мелом лежала записка. Бумага пожелтела, края обтрепались. Почерк бабушки — ровный, петли чуть завалены вправо. Сара узнала его телом раньше глаз. «Не переступай. Рисуи черту. Обновляй раз в месяц. Не дай ей стереться. Если сотрётся — рисуи снова. Не переступай.» Ни подписи. Ни даты. Ни объяснения. Пять строк руки, державшей этот мел сорок лет. Руки, ставившей молоко этикеткой к задней стенке. Руки, обходившей стык линолеума трижды, не объясняя зачем. Сара держала записку двумя пальцами. Бумага была сухой, хрупкой. Слово «не переступай» повторялось дважды. Первое — инструкция. Второе — мольба. Она не понимала. Не понимала, что рисовать, где, зачем. Не понимала, кто «она». Но мел забрала. Положила в карман халата. Пять белых палочек легли на бедро холодным грузом. Записка — следом. Свернула вчетверо. Сунула туда же. Коробку закрыла. Встала. Колени хрустнули. Гараж молчал. Лампочка гудела. За стеной, за бетоном, за фундаментом — ничего. Или всё. Сара не могла различить. Вернулась в дом. Прошла мимо коридора. Не посмотрела на стык. Поднялась наверх. Дверь детской приоткрыта. Щель. Темнота внутри дышала ровно. Сара заглянула. Лили спала. Одеяло натянуто до подбородка. Косички растрепались, прядь прилипла к щеке. На полу, у ножки кровати, Кевин лежал мордой в ковёр, лапы разбросаны, будто зверька бросили в полёте. Сара не вошла. Стояла в проёме. Слушала дыхание дочери. Вдох. Выдох. Ровно. Чисто. Никаких пауз. Никакого лишнего такта. Закрыла дверь. Оставила щель. Пошла в спальню. Легла. Не уснула. Смотрела в потолок. Трещина в углу никуда не делась. Ждала. В четыре утра Сара встала. Не хотела пить. Не слышала звук. Тело сказала: встань. Вышла в коридор. Прошла мимо детской. Не заглянула. Спустилась на кухню. Кран капал. Одна капля ударила в сталь мойки. Пауза. Сара считала. Раз. Два. Три. Четыре. Вторая капля. Раньше между ударами было четыре секунды. Сегодня — четыре и четверть. Мелочь. Доля такта. Четверть вдоха. Но Сара услышала разницу. Не ушами. Чем-то ниже. Зубами. Костями запястья. Стояла в темноте кухни. Мел в кармане халата охлаждал бедро. Записка шуршнула при движении. Наверху, в детской, Лили не спала. Сара не знала этого. Не могла знать. Но Лили сидела на кровати, спустив ноги в темноту. Босые ступни не касались пола. Девочка прижалась ухом к розетке у изголовья. Той самой, с пожелтевшим пластиком и трещинкой на крышке. Прижалась плотно. Хрящ побелел от давления. Она слушала. Не гул. Не шёпот. Дыхание матери внизу. Считала секунды. Раз. Два. Три. Четыре. Пауза. Раз. Два. Три. Четыре. Пауза длиннее. Лили считала. Записывала. Хранила. Розетка гудела. Тихо. Едва слышно. Не электричество. Другое. Глубже. Из-под стен. Из-под пола. Из-под бетона. Стена слышала обеих. Мать внизу, у мойки, с мелом в кармане. Дочь наверху, у розетки, с чужим гулом в ухе. Обе молчали. Обе считали. Обе ждали. На кухне капнул кран. Пауза. Кап. Пауза на одну четверть такта длиннее, чем вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.